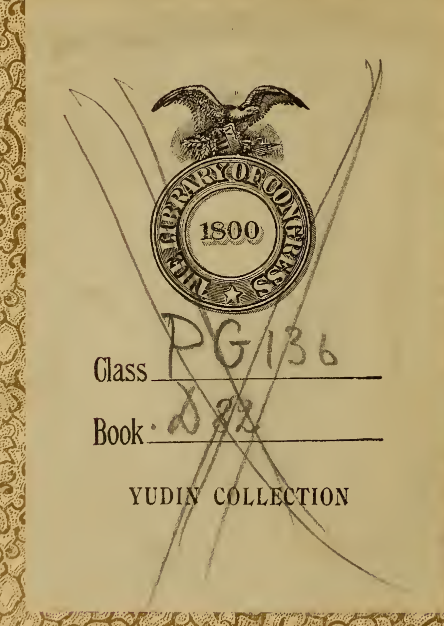

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ДИТЯ

ПОЭЗІИ.

КАЗАНЬ.

1834.

ДИТЯ ПОЭЗІИ.

Блаженъ, кто про себя таилъ,
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ
Не ждалъ за чувства воздаянья!

КАЗАНЬ.

Печатано въ Университетской Типографіи.

1834.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. 1833 года Ноября 15-го дня. Москва.

Ценсоръ, Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Есть въ насъ способность, которую мы съ собой приносимъ на свѣтъ. Сія самородная, изключительная способность или склонность или влеченіе, облеченная въ человѣческую форму, совершенствуется съ развитіемъ сей разумно-органической формы и восходя постепенно до того времени, когда въ оной мыслящая сила развернется и обнаружится полнотою и свѣтлостію *идей*, то она входитъ въ познаніе себя, природы и Бога! Новая, какъ первый, свѣтлый лучь солнца, богатая, какъ сама природа, пламенная, какъ порывъ сердца, является она въ дѣй-

стіяхъ своей творческой жизни. Однако-же случается, что сія самородная способность ранѣе развертывается и уже *совершенная* удивляетъ насъ своею оригинальностію и проявленіемъ изящнаго, прекраснаго, высокаго. Она не пріобрѣтается совнѣ и ни образованіе и ни общество, передавая ее въ насъ, усовершаютъ, которыя впрочемъ ей вспомоществуютъ; но она изъ себя живетъ и свободная, неподражаемая, является *Геніемъ*. Онъ одинъ, но различнымъ обнаруживается въ различныхъ людяхъ: или увлекающею, неземною гармоніею звуковъ — *въ Музыкѣ*; или оживляющимъ, чарующимъ на холстѣ — *въ Живописи*; или воскресителемъ

на гипсѣ или мраморѣ — *въ Ваяніи*; или созвучнымъ, высокимъ, вдохновеннымъ на бумагѣ — *въ Поэзіи*.

Сіи формы объявленій его не однѣ на землѣ; но въ своихъ благихъ, высокихъ качествахъ онъ безпредѣльно разоблачается, на чемъ основывается различіе жизни и цѣли всего человѣчества! — — —

Еще въ раннемъ возрастѣ разсказывали мнѣ, любилъ я читать стихи и прибиралъ безъ всякой связи и смысла слово къ слову; потомъ бывши въ ученіи и проходя Реторику и Поэзію, я посредственные дѣлалъ успѣхи въ послѣдней на заданные предметы и

какъ сей часъ помню, показалъ я моему другу дѣтства первую мою балладу; онъ ее прочиталъ, много смѣялся и началъ поправлять ее въ моихъ глазахъ. Растолковывая мнѣ правила, совѣтовалъ ими заниматься и читать образцовыя сочиненія. Я ему послѣдовалъ и часто бывъ съ нимъ вмѣстѣ, читалъ лучшихъ Русскихъ Поэтовъ, послѣ Нѣмецкихъ и Французскихъ, позднѣеже Латинскихъ, Италіянскихъ и Англійскихъ. По окончаніи ученія, я посвятилъ свои дни другой наукѣ и обучаясь въ Университетѣ, въ свободное время я занимался Литтературою и осмѣливался излагать мои мысли въ стихахъ. Сіи занятія досуга: первые, робкіе

опыты моей стыдливой Музы рѣшился я издать въ свѣтъ и представляя ихъ читателямъ на судъ, прошу не гнѣваться, на погрѣшные, незвучные, несвѣтлые порывы поэтическаго сердца; ибо *правильность* и *вдохновеніе* принадлежатъ только *Геніямъ*! Иные встрѣтятъ здѣсь тотъ странный переворотъ нашей жизни, гдѣ сердце впервые такъ сильно забьется и первымъ своимъ волненіемъ разольетъ въ насъ какое-то пріятное, сладкое, утѣшительное чувство. Оно сильнѣе, сильнѣе всё развивается и ежели вырвется изъ своихъ тѣсныхъ предѣловъ, стремится сродниться съ другимъ, живымъ, пламеннымъ сердцемъ. Оно уже въ немъ,

чуждое еще своего присутствія. Это время радости, время надежды. Какія свѣтлыя мечты, какіе восторги! Порой задумчивость, печаль и грустное стесненіе въ груди; но всё изчезаетъ, когда другое сердце, исполненное тогоже чувства не въ силахъ его выдержать, съ робкими, стыдливыми очами, произноситъ намъ трепетно свое божественное: *люблю*. Это время счастія, время блаженства, когда *два сердца*, сліянныя въ *одно*, издаютъ одинъ чистый, увлекающій, гармоническій звукъ ихъ вдохновенной жизни!

Другіе уводятъ еще молодое лице; но блѣдное, задумчивое, увядшее въ скорбяхъ

жизни. Печаль и грусть въ его очахъ и тусклыя, выражаютъ они какое-то внутреннее безпокойствіе, какое-то страданіе! Уста, уставшіе просить у людей любви, дружбы и участія безмолвствуютъ; но высказывающіе рѣдкія, свѣтлыя минуты разочарованнаго бытія, оживляются и въ благоговѣйной молитвѣ, выливаются дивною мелодіей звуковъ!......

Третіе встрѣтятъ *мечту* всегда разнообразную, всегда счастливую, всегда юную! — — —

Подъ сими формами является на первый разъ моя юная Муза и хотя въ маскѣ, но

желаетъ отъ читателей ласковаго и благосклоннаго взора; боится косыхъ, сердитыхъ взглядовъ! что-же будетъ, какъ она сниметъ маску?......

РУСАЛКИ.

(Баллада.)

В. Ф. Щ.

Бѣжитъ Эгейскій, гордый валъ
Съ очаровательной красою;
Толпы сѣдыя древнихъ скалъ
Лобзаютъ волны чередою.
Здѣсь Патмъ священный одинокъ
Стоитъ въ тиши благословенной,
Гдѣ Іоаннъ завѣтный рокъ

Сносилъ съ терпѣньемъ вдохновенной!
На высп горнаго чела
Построенъ монастырь убогій,
Въ немъ жизнь изгнаннику мила
И постъ ему пріятенъ строгій.

Теперь въ обители святой,
Гдѣ прежде жилъ изгнанникъ юной,
Гоститъ Русалокъ рѣзвый рой
Въ потѣхахъ младости безумной.
Въ пещерахъ, шумныя, живутъ,
Онѣ не знаютъ прегрѣшенья,
Въ долинахъ пляшутъ, да поютъ,
И только любятъ искушенья!
Вечерней, лунною порой,
Тамъ, на горѣ, въ уединеньи,
Подъ тѣнью дуба вѣковой,
Пируютъ въ пышномъ наслажденьи!

Святою мыслію согрѣтый
Пустился въ путь Пильгриммъ младой;
Исполнить давніе обѣты
И долгъ, завѣщанный душой.
Ужъ близокъ путь его желанный,
И скоро, скоро онъ идетъ,
Судьбою вѣчною посланный,
Съ собой раскаянье несетъ.
Онъ видитъ гору, долъ пріятной;
Роскошную природы сѣнь,
Гдѣ дышетъ нѣгой благодатной
И дуба радостная тѣнь.
И всё его плѣняетъ чувства,
Всё нѣжитъ удивленный взоръ:
Тамъ видны признаки искуства;
Нагорный и святый Соборъ.
Обвороженъ волшебной силой,
Безмолвный, робкій онъ стоитъ;

Печальный блѣдный и унылой,
Онъ ничего не говоритъ....
Бѣжалъ Эгейскій гордый валъ,
Тутъ очарующей красою,
Родимый берегъ лобызалъ
Струи привѣтливой душою!

Здѣсь волнъ отъ шума пробужденный;
Смотрѣлъ въ туманную онъ даль,
Страной волшебною прельщенный,
Забылъ онъ тяжкую печаль.
Тутъ видѣнъ былъ колодезь древній
И посѣдѣлой дубъ святой,
И падалъ съ древа листъ осенній,
Увядшій, желтой, не живой!
Давно, давно его желанье
Неслось въ пріютъ укромный сей,
Чтобъ освѣжить воспоминанье

Священной, чистою струей.
На камень сѣлъ пришлецъ усталой
И скинулъ съ плечь свою суму;
И легкой тѣнію, бывалой
Неслось прошедшее ему.
Подернулось суровой думой
Пришельца мрачное чело;
Восторгъ печальной и угрюмой;
Воспоминанье принесло!
Вдругъ дуба листья зашумѣли;
Волшебной, стройною игрой,
И тамъ невидимыя пѣли,
Летая рѣзвою толпой!

Исполнилось мое желанье;
Я у тебя священный край,
Я помню давнее изгнанье,
Блаженный Іоанна рай.

Благоговѣю предъ тобою
О непонятная страна!
Непостигающей душею,
Твои читаю писмена!
Такъ странникъ здѣсь уединенный
Подъ чуждымъ небомъ говорилъ,
И тутъ колѣно — преклоненный,
Онъ Провидѣніе молилъ.
Вдругъ сзади дряхлою рукою,
Ударилъ кто-то по плечамъ,
И инокъ съ длинною клюкою,
Его представился очамъ.
Я здѣсь внималъ твоимъ мечтаньямъ,
И вспоминалъ тѣ времена;
Твоимъ смиреннымъ, другъ, гаданьямъ;
Другая участь суждена....
Я полюбилъ тебя, пришелецъ;
Твои правдивыя слова;

Какъ мирный инокъ — земледѣлецъ;
Моя обитель — острова.
Пойдемъ въ мой домъ уединенной,
Тебѣ пещеры покажу,
Бесѣдѣ скромной и священной
Съ тобою время посвящу.
И узкой по горѣ тропою
Съ собой онъ странника ведетъ;
И озираяся порою,
Его безъ памяти влечетъ!
Взошли на гору и смотрѣли
На освященныя мѣста;
Предъ храмомъ Божьимъ онѣмѣли
Ихъ оробѣлыя уста!
Сѣдой монахъ разоблачился;
Явился дѣвой молодой,
Русалокъ хороводъ рѣзвился,
Предъ нимъ веселою толпой.

Онѣ пришельца окружили
Ручною цѣпью въ хороводъ,
Со всѣхъ сторонъ затеребили,
И повели въ подземный гротъ.
И слышны были тамъ стенанья,
Порой плачевныя мольбы,
Никто не слышитъ тамъ страданья,
Не внемлетъ гласъ ему судьбы!...
Изъ грота шумными стадами
Несутъ пришельца на рукахъ,
И погребальными словами,
Его сопровождаютъ прахъ!
И принесли на паперть дѣвы
И положили предъ дверьми;
И погребальные напѣвы
Терялись въ сумрачной дали.
Ударилъ звонъ и всѣ пропали,
И тихо стало на горѣ,

Лишь тамъ пещеры повторяли,
Глухіе гулы въ глубинѣ.
И яркія свѣчи горѣли,
На олтарѣ златой звѣздой,
И Серафимы вмѣстѣ пѣли,
Небесно-стройною четой!
Спокойной, блѣдною волною
Катился мѣсяцъ въ небесахъ,
И съ неразлучною семьею
Глядѣлся въ сонныхъ онъ водахъ.
Сребрилъ уснувшія долины,
Пещеру, горы освѣщалъ,
И неприступныя стремнины
Лучемъ привѣтнымъ лобызалъ.
Напрасно онъ на ликъ глядѣлъ,
Гдѣ нѣтъ улыбки и привѣта,
Напрасно жизни онъ хотѣлъ —
Онъ гость другаго уже свѣта!

Умолкъ Эгейскій шумный валъ,
И берегъ погрузился въ думы;
И успокоенный кристалъ,
Стоялъ печальный и угрюмый!

БУКЕТЪ ЦВѢТОВЪ.

Въ великій день святаго Вознесенья;
Въ таинственный, блаженнѣйшій для насъ,
Гдѣ Іисусъ вкусилъ успокоенья......
Родительскій съ небесъ услышалъ гласъ!
Тогда мнѣ утренней порою
Цвѣтовъ душистыхъ принесли,

Благоговѣйною слезою
Ихъ въ скромной оросилъ тиши.
Съ цвѣтистымъ симъ благоуханьемъ
Неслись молитвенны слова,
Съ восторженнымъ воспоминаньемъ
Къ Отцу святому въ небеса.
Мечтанья давнія тѣснили
Мою встревоженную грудь,
И звѣзды свѣтлыя манили,
Меня съ собой на высшій путь.
Не долго тѣшили собою,
Меня весенніе друзья,
Ихъ погребальной пелѣною
Покрыла ранняя заря.
Нѣтъ ужъ того благоуханья,
Нѣтъ той плѣнительной красы,
Они изчезли, какъ желанья,
Какъ отблескъ утренней росы.

Такъ и *душистое* благоуханье,

Красы земной владычица она;

Вдругъ полетитъ, гдѣ Богомъ суждена

Въ безсмертное, великое созданье.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ.

Вотъ двадцать двѣ весны прошли,
Какъ сонъ, какъ сладкое мечтанье,
И мнѣ въ награду принесли
Волшебное воспоминанье.
Порой, въ досужій жизни часъ,
Минувшее я воскрешаю,
И дни протекшіе, на васъ,

Какъ настояще я взираю,
И будто всё въ одно слилось
Прекрасное изображенье,
Въ душѣ роднымъ отозвалось,
Сіе чудесное видѣнье!
И я дивлюсь самъ надъ собой,
Поверженный въ недоумѣнье;
И очарующей красой,
Проказница — вообраwенье,
Мнѣ снова шлетъ другихъ чудесъ,
Другихъ изящныхъ впечатлѣній;
И мнится мнѣ, какъ-бы съ небесъ,
Толпы слетаютъ привидѣній.
Я отвратилъ свой робкій ликъ
Отъ сихъ посланницъ чародѣйныхъ,
И проклиналъ рожденный мигъ,
Думъ вдохновенныхъ и затѣйныхъ.
Какъ вдругъ невидимой рукой

Ко мнѣ здѣсь кто-то прикоснулся,
Я засыпалъ — волшебный рой
Въ свой кровъ волшебный потянулся.
Мнѣ снился сонъ — и дивный сонъ!
Предъ мной раскрылися равнины,
Вдали былъ слышенъ громкій звонъ,
И ревъ бунтующей пучины.
Всё умолкало — и опять
Грозилось новымъ ужасаньемъ;
И страшно было мнѣ внимать,
Борясь съ убійственнымъ страданьемъ.
Вдали синѣлась тамъ рѣка,
Какъ сводъ безоблачный, небесный,
И кто-то шелъ издалека.
Я видѣлъ образъ сей прелестный;
Одежды бѣлый весь покровъ;
Послушность пѣнистыхъ валовъ.
Онъ шелъ спокойными шагами,

Сей образъ ближе всё ко мнѣ,
И лишь безмолвными брегами,
Валы носили вѣсть волнѣ.
И я привсталъ оцѣпенѣнный,
Увидя образъ предъ собой;
Меня сей образъ вдохновенный
Манилъ лилейною рукой.
Тутъ я сошелъ къ рѣкѣ покойной,
И не дерзнулъ повѣрить я
Волнѣ обманчивой и вольной;
Но вдругъ какъ двинули меня
Впередъ по чистому кристалу,
Играя волны принесли,
Къ божественному идеалу.
И мы съ нимъ объ руку пошли,
Храня грубокое молчанье;
И у меня теперь прошли:
Любовь и бренное желанье.

Я былъ тогда совсѣмъ другой,
И не земной, презрѣнной житель;
И образъ звалъ меня съ собой,
Въ свою небесную обитель.
Вдругъ зашумѣло — и тогда
Разверзлись волны голубыя,
И цѣлая поверхность дна
Разкрыла тайны дорогія.
Здѣсь чудеса всѣ видѣлъ я
Неисповѣдимой природы,
И я хотѣлъ открыть уста —
Молчи! — ты здѣсь лишенъ свободы.
Потомъ поднялъ меня съ собой.
Мы выше, выше всё летѣли
Къ невѣдомо-желанной цѣли.
И показалъ своей рукой
Мнѣ мѣсяцъ, солнце и планеты,
Всѣ ихъ законы, ходъ прямой,

Пророческія всѣ кометы.
Потомъ спускались мы съ высотъ
Опять на землю понемногу;
И образъ поправлялъ полетъ
Въ свою желанную дорогу.
Мы на землѣ — и вотъ предъ мной
Большое, мрачное кладбище:
Нарядной, скромною красой,
Гордится мертвыхъ душъ желанье.
Я слышалъ стонъ и вопль нѣмой
И всѣ печальныя рыданья,
Иль смѣхъ коварной и живой,
Или несносныя руганья.
„Вотъ мы страдаемъ много лѣтъ;
Лежа въ сырой землѣ безъ вѣсти,
И можетъ быть, намъ лучшій свѣтъ;
И высшей жизни, высшей чести,
Не знать и не видать весь вѣкъ?

За чѣмъ-же созданъ человѣкъ?"....

Я знаю ихъ предназначенье

Хранитель — образъ мой сказалъ,

Ихъ ждетъ другое наслажденье,

На небеса онъ показалъ.....

И стало тихо межъ гробами,

Какъ бы вечернею порой,

И вѣтеръ изрѣдка съ листами,

Заводитъ шопотъ круговой.

И я колѣно-преклоненный,

Стоялъ предъ гробомъ во слезахъ,

И лобызалъ сей прахъ священный,

Молясь о грѣшныхъ всѣхъ душахъ.

И обратясь, я удивился,

Вождя не видя предъ собой;

Ахъ! далеко-ли онъ сокрылся,

Сей гость минутной, дорогой?

Кто-жъ это былъ? была Марія

Святая Іисуса Мать;
И сны небесные, святые
Она дала въ себѣ узнать.
И унесла Она далеко,
Всѣ творческіе сны съ собой;
Разочарованное око,
Не видитъ Дѣвы сей Святой.
И долго мнѣ не будутъ сниться,
Такіе творческіе сны.....
Они успѣли ужъ сокрыться,
Они не многимъ суждены!

ПОСЛАНІЕ.

В. Ф. Щ.

Попалъ — былъ въ когти къ Ахерону,
На волоскѣ держался я;
Какъ быть, послушенъ былъ закону,
И ждалъ зари, разсвѣта дня.
Тогда былъ страшенъ сводъ небесной,
И мрачны, долги были дни,

И было смрадно, душно, тѣсно.
Тогда лишь вороны одни
Стадами по полю летали
И жадно трупы пожирали.
Охъ, скучно было мнѣ тогда;
Какъ надъ главой моей кружились
Голодныхъ вороновъ толпа,
И долго, долго мнѣ грозились
Какой-то смертію съ косой.....
И потянулись съ местью злой
Всѣ съ шумомъ, карканьемъ и крикомъ,
Напѣвомъ варварскимъ и дикимъ.
И послѣ легче стало мнѣ,
Изчезло страшное видѣнье,
И тамъ въ небесной сторонѣ,
Я ждалъ отъ Бога: *облегченье.*
И Богъ мнѣ съ Ангеломъ послалъ,
Въ сосудѣ дивный свой напитокъ,

И исполнителю вручилъ
Большой, исписанный весь свитокъ.
И гость небесный полетѣлъ
Въ страну печальную, земную
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На прихоть шумную, людскую,
И вотъ мой гость ужъ у меня,
Ко мнѣ украдкою подходитъ,
И трижды руки возложа,
Мнѣ дивный, сладкій сонъ наводитъ.
Сосудъ подноситъ мнѣ къ устамъ,
И льетъ небесный мнѣ напитокъ,
Потомъ кладетъ къ моимъ главамъ,
Святой рукой мнѣ данный свитокъ.
Мнѣ легче стало, я привсталъ
И думалъ, съ неба-ль гость посланный,
Иль онъ съ земли? потомъ узналъ,
Что Богомъ въ санъ сей онъ избранный,

Что онъ въ обители другой,
И вѣчно-юной и святой.

И скрылся онъ — и скрылся сонъ....
И всѣ горячныя мечтанья;
Какъ колкола гудящій звонъ
Въ странѣ небесной изчезаетъ,
И облако віясь вокругъ,
Его всё выше поднимаетъ,
И раздѣляетъ межъ подругъ.

ЦЕРКОВЬ.

Какой красы исполненъ Божій храмъ
Среди молебствія и пѣснопѣнья,
И кажется Всесущій Самъ
Сбирается на дивныя стеченья
Своихъ возлюбленныхъ младыхъ дѣтей.
И все молчитъ средь пышнаго собранья.
Какой-то тихій, томный взглядъ очей,

И будто бы у всѣхъ однѣ желанья,
И будто мыслятъ всѣ одной душой.
И кто-то тамъ за всѣхъ лишь вдохновенный,
Одну молитву шлетъ къ святымъ судьбамъ,
И будто Богъ-Отецъ ни кѣмъ не зрѣнный,
Свое Дитя благословляетъ Самъ.
Но я грѣшилъ, отчужденный мечтами
Святой молитвы, Бога самаго,
Какъ я глядѣлъ постыдными очами,
Тамъ въ уголку на демона того.
Къ нему неслись и мысли и желанья,
И просьбы пламенной, младой души;
Я изливалъ и скорби и страданья,
Какъ бы предъ образомъ въ святой тиши.
И мнилось мнѣ, что слышитъ онъ моленья;
И изъ внимающихъ мнѣ шлетъ очей
Свои отвѣтныя благословенья,
И будто осѣнивъ рукой своей,

Свершаетъ таинства надъ головою
И шепчетъ дивныя свои слова,
И я съ безмолвной, гордою душею,
Какъ неприступная стою скала!

ОНЪ.

Задумчивъ, тихъ и одинокъ
Ходилъ печальный мой Евгеній,
И взоръ его ужасенъ, строгъ
Былъ полнъ угрюмыхъ вдохновеній.
Уже давно съ багряныхъ устъ,
Привѣтъ, улыбка отлетѣли:
Какъ осенью душистый кустъ
Теряетъ дивный ароматъ

И похоронной ждетъ недѣли,
Скидая пышный свой нарядъ.
Но не долго онъ лишился
Своей наружности, красы,
Лишь лучь весенній пробудился,
Онъ ждетъ нарядные часы.
Но мой Евгеній не дождется
Опять младенческихъ лучей,
Онъ ближе, ближе всё несется
Къ обители осеннихъ дней.
Онъ отжилъ дни свои въ вселенной,
И молодой онъ постарѣлъ,
И въ гробъ страданій погребенный,
Еще до гроба онъ истлѣлъ;
Но не забылъ своей Маріи,
Причастницы печальныхъ дней,
И тѣ минуты дорогія,
Цвѣтущей юности своей.

Онъ и теперь ее всё любитъ
Лишь для нее живетъ одной....
И въ немъ порой Марія будитъ,
Вѣка прошедшіе собой.
И обоймя его руками,
Цѣлуетъ хладный его ликъ;
Напрасно пылкими устами
Она въ немъ будитъ пылкій мигъ:
Не воскресятъ ея лобзанья
Въ немъ радость, счастье и любовь;
Ея роскошныя ласканья
Не разволнуютъ его кровь!

МЕЧТЫ.

А. И. С.

„Скажи, что такъ задумчивъ ты?" (*)
Какія страсти грудь волнуютъ,
Или печальныя мечты
Твой духъ не смѣлый испытуютъ?
Или прошедшіе ты дни
Уединенно вспоминаешъ?
Ахъ, невозвратны другъ они,
Напрасно ты о нихъ мечтаешь.

(*) Слова А. И. С. . . . . .

Они успѣли ужъ отъ насъ
Сокрыться въ вѣчности безмолвной
И празднуютъ минувшій часъ
Въ волнахъ угрюмыхъ Леты скромной.
Такъ только разъ — разъ въ жизни сей,
Цвѣтемъ мы младостью душистой,
Владычицей, небесной, чистой,
Плѣняемъ міръ и всѣхъ людей.
Но только разъ — и этотъ разъ
Торжественный, великій въ жизни,
Онъ краситъ, прославляетъ насъ,
Какъ смерть иль жертва для отчизны!
Иль первый взглядъ тебя плѣнилъ
Красавицы той черноокой,
И образъ въ душу заронилъ
Свой образъ неземной, высокой.
Ты счастливъ, что плѣнился ей
Въ порывѣ творческихъ мечтаній,

И голосу души твоей
Внималъ средь высшихъ ликованій.
Себѣ творилъ ты новый міръ
Въ твоемъ безумномъ упоеньи,
И приглашалъ на громкій пиръ,
Своихъ грядущихъ вдохновеній.
Ее супругой нарекалъ,
Мечтой коварной ослѣпленный,
Уста и очи лобызалъ
Предъ ней колѣно-преклоненный.
Ахъ! ты напрасно такъ мечталъ
О сей красавицѣ прелестной,
Какъ кладъ сей рѣдкій и небесный
Другому; другъ, принадлежалъ.

КРЕСТЪ.

Какъ свѣтло на груди горитъ
Крестъ радости и украшенья!
На немъ теперь мой взоръ лежитъ,
Спокойный, полный удивленья.
Я имъ любуюся въ тиши,
Сокрывъ восторгъ, мои желанья....
И съ глубины моей души,
Нетерплѣивыя мечтанья,

Какъ будто вылетѣть хотятъ,
И будто всѣмъ они твердятъ
Мою любовь, мои страданья.
Смущенный, робкій я сижу,
Бесѣдой скромной окруженный
И поэтически гляжу
На крестъ гранатный, драгоцѣнный.
Но скрылся вдругъ волшебный мигъ
И поэтическія думы,
Какъ крестъ сокрылъ прелестный ликъ,
Навѣкъ подъ палатинъ угрюмый.
И пристально я всё гляжу,
На палатинъ мой, разсерженный,
И невозвратно я зову
Мой крестъ гранатный, драгоцѣнный.

ПАЛАТИНЪ.

Что вы такъ холодны ко мнѣ,
Какъ зимно-строгіе морозы?
Иль заслужилъ отъ васъ вполнѣ,
Негодованья и угрозы!
Къ чему сердитый, хитрый взглядъ,
Очей прелестныхъ потупленье?
Они какъ будто мнѣ твердятъ
Моей мольбы пренебреженье.

Неужъ-ли я оледѣнилъ
Рукой морозной сердца волны?
И пульсъ горячій поглотилъ,
Какъ поглощаетъ буря челны
На морѣ, кинутыхъ судьбой,
И ихъ дробитъ своей волной.
Но не совсѣмъ вы охладѣли:
Васъ грѣетъ теплый палатинъ,
Отъ стужи, вѣтровъ и мятели
Онъ сохраняетъ васъ одинъ.
Теперь палящей теплотою
Онъ будетъ грѣть младую грудь,
И сильно оживлять собою,
Давно заснувшей крови путь.
И чудно возсоздавъ всѣ силы,
Мечты былыя воскреситъ,
И снова васъ обворожитъ;
Тогда вы точно изъ могилы

Придете съ новой, къ намъ, красой
И отеплѣнною душой.
И улыбнетесь мнѣ смиренно,
И поглядите на меня
Такъ животворно, вдохновенно!
И я, колѣно преклоня,
Паду къ ногамъ обвороженный,
И буду прижимать къ груди,
Васъ, палатинъ животворящій.
И будутъ тихи наши дни,
Какъ тихъ младенецъ сладкоспящій,
Въ объятьяхъ матери своей,
Подъ колыбельный звукъ рѣчей!

БРИЛІЯНТЫ.

Какимъ чарующимъ огнемъ
Брильянты свѣтлые играютъ,
Они насъ ночью, также днемъ
Обворожительно плѣняютъ.
Они, какъ свѣтлая звѣзда
Въ спокойныхъ небесахъ пылаютъ;
Цвѣтущаго она лица,
Звѣздамъ подобно не теряютъ.

На нихъ взгляну
И вспомяну,
Знакомый ликъ,
Блаженный мигъ!

Неоцѣненный даръ земли
Всегда блестящей, всегда пышный,
О, бриліянты! вы зажгли
Свѣтильникъ чистый и всевышній
Въ моей душѣ — и онъ горитъ
Предъ *образомъ* и дни и ночи;
Свѣтло, чудесно онъ блеститъ.
И *черныя* дивятся *очи*!

На васъ взгляну
И вспомяну,
Знакомый ликъ,
Блаженный мигъ!

ЗВѢЗДА.

Разговоръ Дѣвы съ Поэтомъ.

Е. Н. Б........

Дѣва.

Что вы задумчиво глядите
На эту свѣтлую звѣзду?
Или вы въ ней, Поэтъ, хотите
Узрѣть кого-то на яву?

Поэтъ.

Такъ, не ошиблись вы, Елена!
Я зрѣлъ въ звѣздѣ блестящей сей
Владычицу души моей,
И преклонивъ мои колѣна,
Я умолялъ ее сойти,
Съ своей небесной высоты.

Дѣва.

Ахъ, какъ она прекрасно свѣтитъ
Въ святой обители своей,
И неужели не примѣтитъ
Слезу молящихся очей?

Поэтъ.

Неумолимая, она
Не слышитъ робнаго моленья,
И думъ божественныхъ полна,
Всѣ презираетъ приношенья....

Ахъ, лучшебъ свѣтозарный ликъ
Она навѣки бы сокрыла,
И улыбнувшись мнѣ на мигъ
Въ волнахъ небесныхъ потонула.

Дѣва.

Пускай, Поэтъ, она горитъ,
Въ лазурной хижинѣ, блистая,
Она какъ радостно глядитъ
На насъ, изъ неземнаго края.

Поэтъ.

Ахъ, мнѣ ужасенъ ея свѣтъ
На сводѣ голубомъ эфира,
Какъ онъ мнѣ въ душу не прольетъ
Своей любви, блаженства, мира!...
За чѣмъ же на звѣзду гляжу,
Любуюсь я ея сіяньемъ,
Ее къ груди я не прижму

Съ восторгомъ, сердца трепетаньемъ.
Пусть для другихъ она горитъ
Ярчѣе въ высотахъ небесныхъ,
И блескомъ творческимъ даритъ
Другихъ, очей своихъ прелестныхъ.

Дѣва.

Что вы взмутились, мой Поэтъ,
О чемъ глубоко такъ вздохнули?
Иль поглядѣвъ на звѣздный свѣтъ,
Кого нибудь вы вспомянули?....

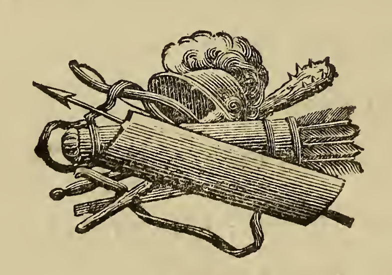
Поэтъ.

Ахъ, вспомнилъ я.... но нѣтъ, за чѣмъ
Мнѣ молвить имя роковое,
И говорить, Елена, всѣмъ
Прозванье тайное, святое.....
Пусть только вѣдаю, другъ, я
О тайнѣ сей неизрѣчимой,

И пусть безмолвная душа
Хранитъ сей ликъ неумолимый!

Дѣва.

Какъ вы несчастливы, Поэтъ!
Я васъ жалѣю! — Правда больно,
Какъ сердце свой не шлетъ отвѣтъ,
И хладнокровно, произвольно,
Глядитъ на блѣдный, грустный ликъ,
Въ немъ не читаетъ всѣ желанья,
И какъ земля — безъ состраданья —
Охъ, страшенъ, пагубенъ сей мигъ!

КАНТАТА.

На отъѣздъ.........

Хоръ.

Куда ты, драгая,
Куда ты спѣшишь?
Гостья младая,
Что-жъ не гостишь?
Иль тебѣ скучно

Въ сѣни чужой,
Но неразлучно
Будемъ съ тобой.

Речитативъ.

Съ аккомпаниментомъ двухъ арфъ

Послѣдній разъ я на тебя
Гляжу прощальными очами
И весь смущенный, робкій, я
Теряюсь скудными рѣчами...
Неизъяснимы, другъ, онѣ
Въ большой, убійственной печали,
И лишь въ сердечной глубинѣ,
Онѣ, волнуясь, застонали.
И такъ послѣдній, другъ мой, разъ
Тебя я вижу предъ собою,
И я вѣнчаю грустный часъ,
Печальной, теплою слезою!

Хоръ.

Изчезнутъ съ тобою
Веселые дни,
И тяжки порою,
Намъ будутъ они.

Речитативъ.

Не уходи такъ скоро ты,
Владычица моихъ желаній,
И не бери съ собой мечты,
Моихъ грядущихъ упованій.....
Я былъ счастливъ, когда съ тобой
Дѣлилъ свиданное, другъ, время,
И на груди прелестницы младой,
Я забывалъ мучительное бремя.....
Но не надолго былъ мнѣ пиръ
Въ веселой, дѣвственной вселенной,

Сей творческій, минутный міръ,
Вкушалъ я только вдохновенной!

Хоръ.

И будемъ печальны
Тебя вспоминать,
И слезы прощальны,
Тогда проливать!

Речитативъ.

Тогда и небо, землю я
Позабывалъ перерожденный,
И зрѣлъ, владычица, тебя
Какой-то дѣвой вдохновенной!
И припадя къ твоимъ устамъ,
Торжествовалъ я одинокій,
И слышалъ я въ небесномъ *тамъ*
Вздохъ непонятный и глубокій!
И разливались надо мной,

Тогда плѣнительные звуки.

Ахъ! не они-ли мнѣ собой

Угрюмый пѣли часъ разлуки?

Хоръ.

Тогда ты явися,

Красавица, къ намъ,

И намъ улыбнися,

Нашимъ слезамъ.

Речитативъ.

И такъ послѣдній вижу разъ

Тебя въ величіи прощальномъ,

О, какъ пріятна ты въ сей часъ,

Съ лицемъ и блѣднымъ и печальнымъ.

Здѣсь и молчанье и покой

Сильнѣе словъ и всѣхъ веселій;

Языкъ таинственный, святой,

Они и онъ, другъ, разумѣли.....

И такъ прости, мой гость драгой,
Гость радости и гость печали,
И пусть тебя въ странѣ родной,
Часы веселые встрѣчали.
Но только просьба лишь одна:
Не позабудь меня, Поэта,
И мыслей творческихъ полна,
Держись священнаго обѣта!

Хоръ.

Прости-же, прости,
Гостья драгая,
Здоровья, пути
Тебѣ пожелая,
Навѣки прости.

ПѢСНЯ.

Ахъ! за чѣмъ же я родилася
Такъ несчастною на свѣтѣ семъ,
Вѣрно писано на роду моемъ,
Горе мыкать мнѣ, бѣдняжечкѣ.
И никто-то не потужитъ здѣсь
Обо мнѣ, красной дѣвицѣ,
И не сниметъ думу горькую
У меня съ души покинутой.

Злые люди унесли съ собой
Всѣ веселья и всѣ радости,
И оставили бѣдняжечку
Одинокою сироткою
Точно дерево засохшее,
Въ знойной степи всё увядшее,
И безъ листьевъ и безъ запаху
И безъ тѣни прохладительной.
Не придетъ туда ужъ молодецъ,
Отдохнуть съ своею ношею,
И въ объятьяхъ древо-матушки
Позабыться богатырскимъ сномъ
Подъ баюканье листьевъ вѣющихъ
Лаской и душой прохладною!

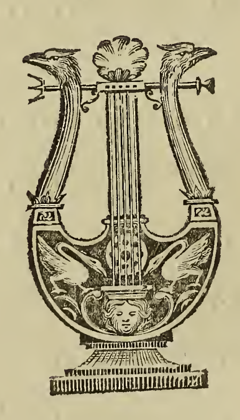
ПРИ ПОЛУЧЕНІИ КАНТА.

Von dem erhabenen und Schönen.

отъ *П. Р*.....

Я получилъ, другъ, отъ тебя
Въ подарокъ дивное творенье,
Гдѣ Кантъ рисуетъ самъ себя,
Души изящной вдохновенье!
Не долго старецъ любовалъ
Ученый кругъ семьи счастливой,

И не примѣтно потухалъ
Его свѣтильникъ молчаливой;
Но онъ не умеръ, онъ живетъ
Двухмірной жизнію блаженной,
И жизнь двухмірная течетъ
Согласна съ мудрою вселенной.
Не даромъ Богъ его послалъ,
Землѣ родной во украшенье,
И временами сообщалъ:
Небесный мигъ.... и вдохновенье....

ПОСЛАНІЕ.

В. Ф. Щ.

Еще съ младенчества любилъ
Я слушать умныя бесѣды,
И восхищенъ, восторженъ былъ,
Когда сберутся мои дѣды
Въ краснорѣчивый, скромный кругъ
И празднуютъ святой досугъ.
И я, какъ глупое дитя,

Стоялъ съ невинною душою,
И взоръ на старцевъ устремя,
Плѣнялся мудрою семьею,
Черты и рѣчи примѣчалъ,
И ихъ дивился просвѣщенью,
И трудное я посвящалъ,
Понятному уединенью,
Его дороже всѣхъ любилъ
Моей младенческой душою,
И счастливъ и спокоенъ былъ,
Когда, мой другъ, я самъ съ собою
Пустынный жизни часъ дѣлилъ.
Тогда забывъ игру, веселье,
Я предавался здѣсь мечтамъ
И посылалъ за новоселье,
Молитву къ добрымъ всѣмъ богамъ.
И погруженный въ размышленье,
Я всё младенчески мечталъ,

И пылкое воображенье
Я безъ разбору направлялъ
На мимолетные предметы,
О нихъ съ собою разсуждалъ,
И хладнокровные совѣты
Разсудка строго разбиралъ;
И понемногу возрастая,
Мужалъ я тѣломъ и душой,
И всё яснѣе понимая,
Я перселялся въ міръ иной.
Здѣсь новыя опять явленья
Встрѣчали юнощескій умъ,
И свѣжія мнѣ упоенья,
И кучу неразгадныхъ думъ
Живописали предъ глазами
Мнѣ не понятными словами.
Я понемногу все вникалъ
Въ ихъ тайное существованье

И принужденно устремлялъ
Мое задорное вниманье.
Здѣсь я почувствовалъ въ себѣ
Къ чему-то новое стремленье,
Какой-то новый жаръ въ душѣ
И непонятное волненье
Моихъ играющихъ страстей,
Тоску безсонныхъ всѣхъ ночей.
Я сталъ задумчивъ и порою
Ввѣрялъ бумагѣ мысль мою,
И самовластною рукою
Чертилъ небрежную строку,
И полной веселясь свободой,
Безъ строгихъ формъ и безъ границъ
Я любовался тамъ природой,
Иль о высокомъ помышлялъ,
Иль о красѣ цвѣтущей дѣвы,
Ей пѣлъ души моей напѣвы,

И непримѣтно я маралъ
Лице послушныхъ мнѣ страницъ.
Но разъ ко мнѣ знакомый геній
Пришелъ съ подругою младой;
И я какъ будто въ сновидѣньи
Обоихъ видѣлъ предъ собой.
Она, вся въ бѣломъ одѣяньи,
Смотрѣла, молча, на меня,
Какъ на назначенномъ свиданьи,
Впервые юная чета,
Сойдется тайною порою,
Краснѣя оба, всё молчатъ,
И лишъ понятно межъ собою,
Одни ихъ взоры говорятъ.
Они съ собой что-то шептали,
Потомъ взглянули на меня,
И непримѣтно улетали
Въ свои далекіе края.

Но скоро мой знакомый Генiй
Явился снова предо мной,
И я въ печальномъ удивленьи
Сидѣлъ съ печальною душой.
Своей рукой меня коснулся,
И пробужденный я привсталъ
И друга къ сердцу прижималъ.
Онъ помолчавъ, вдругъ оглянулся,
Туда, гдѣ съ нею улеталъ.
Тогда вздохнувъ онъ, восхищенный,
Мнѣ улыбаясь говорилъ:
Ты знаешь-ли, въ уединенный
Твой домъ кого я приводилъ?
Веселую, юную, (*)
Всегда вдохновенную,
Всегда благотворную,
Любимицу Зевсову!

(*) Подражанiе Гетевой Богинѣ.

И гостья небесная,
На рѣчи призывныя,
Изъ края надзвѣзднаго
Слетитъ улыбаяся,
Лицемъ очарующимъ.
И явится рѣзвая:
То юношей — Геніемъ,
Иль сельскою дѣвою,
Иль грозною бурею,
Иль пасмурнымъ мѣсяцемъ,
Иль свѣтлою звѣздочкой,
Иль грѣющимъ солнышкомъ,
Иль смертію блѣдною,
Иль Ангеломъ — съ миртою;
Всегда разновидную,
И вѣчно — весеннюю;
И вѣчно — прелестную,
Богиню Поэзію!

Люби ее ты всей душою,
Ее жертвуй жизнію своей,
И въ часъ досужный предъ святою
Поэзіей благоговѣй!
Она возвышенныя чувства
Въ тебѣ чудесно поселитъ,
И духъ твой свыше просвѣтитъ.
И ты науки, всѣ искуства
Полюбишь пламеннѣй, живѣй,
И будешь пѣть тогда природу
Съ подругой свѣтлою твоей.
Или счастливую свободу.....
Души младенческой своей.
Иль воскрешать своей мечтою
Вѣка прошедшіе давно,
Иль съ непонятною судьбою,
Такъ непонятно и чудно
Бесѣдовать въ уединеньи.

Или предписывать законъ,
Въ животворящемъ вдохновеньи;
Иль разсказать чудесный сонъ,
Твоихъ возвышенныхъ видѣній.
О, какъ счастливъ, блаженъ Поэтъ,
Когда онъ свыше вдохновенный,
Предъ всей вселенною поетъ
На лирѣ громкой и священной.
И будто-бы въ слезахъ она
Ему восторженно внимаетъ,
И имъ однимъ упоена,
Вся одному рукоплескаетъ.
Вотъ, какъ великъ, высокъ Поэтъ,
Скажу тебѣ я откровенно,
И тожъ тебѣ весь скажетъ свѣтъ,
Предъ нимъ колѣно-преклоненный.
Теперь прошу тебя, мой другъ,
Любить Поэзію святую,

И въ праздный, счастливый досугъ;
Къ себѣ небесную, младую
Въ пріютъ спокойной призывать,
И съ ней тогда торжествовать!

И я почувствовалъ желанье
Съ тѣхъ поръ въ груди моей младой,
И на досужное свиданье
Я приглашалъ ее порой.
Она всегда ко мнѣ слетала
На голосъ просбенной души,
И творчески благословляла
Меня въ присутственной тиши.
Всей полюбилъ ее душою
И жизнью жертвую своей,
И въ часъ досужный предъ святою
Поэзіей молюсь моей;
И приношу мои признанья

Виновнику моей любви
Къ поэзіи святой, желанья
Онъ возсоздалъ въ моей крови.
И помню я его моленья,
И откровенный тотъ совѣтъ,
Порывовъ первое ученье,
Тебя люблю я, мой поэтъ!

ВЕСНА.

Прошла зима своей чредою,
Природа скинула съ себя
Свой бѣлый саванъ, и младою
Цвѣтущей зеленью поля

Одѣлись — и на праздникъ міра
Пришла невѣстою весна!
Славна, какъ роза Кашемира,
Скромна, невинна какъ луна,
Чего-то высшаго полна!
Какъ я любилъ тебѣ бывало
Восторги жизни посвящать,
Съ тобою сладостно мечтать;
Порой какъ сердце горевало.
Мои ты воскрешала дни
Прошедшихъ счастливыхъ желаній,
И восхищенные, они
Рѣзвились будто безъ страданій.
Какъ сладко въ солнечномъ лучѣ
Ты поцѣлуй мнѣ посылала,
И въ чистой, перловой росѣ
Слезу очей напоминала — — —
Мнѣ въ говорѣ текущихъ волнъ

Родные звуки отвѣчали,
И будто въ пѣнѣ рисовали
Тотъ ликъ любви — и ликъ печали —
Тогда, весна, тобой былъ полнъ!
Теперь-же съ грустью и тоскою
Смотрю я на твои красы
И соблазнительной мечтою
Не воскресишь мои часы!
Любовь и счастье измѣнили
Мнѣ на пути тяжелыхъ дней,
Про дружбу много мнѣ твердили;
Но чуждъ я искреннихъ друзей!
Я росъ, росту я сиротою
Среди родныхъ — среди людей —
Не сниметъ нѣжною рукою
Ни кто слезу съ моихъ очей!
Тоска и мрачныя мечтанья
Мое изстарили чело,

И въ чашѣ горькаго страданья —
Я испыталъ по каплямъ зло!......
Какъ мнѣ питье сіе сначала
И жгло, тѣснило грудь мою,
И изступленный, я бывало
Устами пламенными пью.
Теперь привыкъ, и съ наслажденьемъ
Я подношу къ устамъ сосудъ
И руки смѣло подаютъ,
На что глядѣлъ съ ожесточеньемъ!
Не воскресишь меня, весна,
Не возвратишь мнѣ дни былые,
Не разольюсь я, какъ волна
Отъ солнца въ берега родные.....
Не разцвѣту, какъ ранній цвѣтъ,
Лежавъ подъ снѣжною корою,
И съ каждою весной на свѣтъ,
Гляжу съ увядшею душою!

Но и моя придетъ весна
Очаровательна, какъ младость,
Блаженна, счастлива какъ радость,
Увы, не здѣсь, не здѣсь она!

СИРОТА.

Я одинокъ, я безъ любви,
Забытый, я не знаю счастья —
Мои страдальческіе дни,
Какъ дни туманнаго ненастья.
Задумчивый, печальный взглядъ

Лице младое выражаетъ,
И очи черны не блестятъ,
И въ нихъ та радость не играетъ!.....
Невольно тусклыя, они
Глядятъ на небо голубое,
И будто ищутъ тамъ вдали
Невозвратимое былое.....
Потомъ потупясь, уронятъ
Слезу съ трепещущей рѣсницы,
Порой-же вспыхнутъ, загорятъ,
Какъ блескъ сверкающей зарницы.
Никто не слышитъ голосъ мой,
Мой голосъ: грусти и печали;
Онъ не веселой, не живой,
Который прежде всѣ слыхали;
Съ нимъ говорили и мечтали......
Не потрясутъ ни чьей души
Мои печальные напѣвы;

Быть можетъ, вырвется въ тиши,
Глубокій вздохъ у милой дѣвы......
Но всё одинъ я, безъ любви,
Безъ родины, безъ сожалѣнья,
И не подастъ никто руки,
Не облегчитъ мои мученья......
Охъ, страшно сиротою жить,
Страшнѣй пренесть свои страданья,
Еще заранѣй схоронить
Свои цвѣтущія желанья!......

Ахъ, поскорѣй
Ты за моей
Слети душой
Ангелъ — смерти!
Возьми съ собой.
Ее въ другой
Счастливый край,
Пусть обрѣтетъ

И тамъ найдетъ

Блаженство, рай!

Ахъ, поскорѣй

Ты за моей

Слети душой

Ангелъ — смерти!

ПРОВИДѢНІЕ.

Я терзался,
Сокрушался
Одинокій.
На глубокій
Вздохъ печали
Всѣ молчали.

Терпѣливый,
Молчаливый
Я крушился;
Злобный Геній
Въ упоеньи
Веселился.
Я молился —
И моленье
Провидѣнье
Услыхало
И послало:
Утѣшенье!.....

КОЛЬЦО.

Смотрю воспоминаній полный
На золотое я кольцо
И кудри русыя, какъ волны,
И грустно — милое лице,
И очи свѣтло-голубыя
Мнѣ представляются живыя.

Смотрю прилежнѣй на кольцо
И камня въ радужныхъ сіяньяхъ,
Какъ въ сладкихъ, счастливыхъ мечтаньяхъ,
Мнѣ улыбается лице.
Беру кольцо, его лобзаю,
Восторженный, я весь горю,
Ее я будто обнимаю,
И будто съ нею говорю.
Такъ и при свѣтлой, лѣтней ночи
Въ чистѣйшій смотрятся кристалъ;
Задумчивыя неба очи
Очей прелестныхъ идеалъ!.....

СТАНСЫ.

П. Ф. А.

Любилъ-ли ты когда нибудь
Душою чистой, непритворной?
Вздыхала-ли младая грудь,
И былъ-ли ты всегда покорной?...
Скажи, мой другъ, что есть любовь?
Какіе Боги намъ послали,

И что сродняетъ нашу кровь,
И гонитъ тяжкія печали?
Не правда-ли, какъ счастливъ ты,
Имѣя друга здѣсь въ вселенной,
Какъ свѣтлы всѣ твои мечты!
И ты веселой, вдохновенной
Ему ввѣряешъ мысли дня,
И ночи чудныя видѣнья.
Къ тебѣ онъ взоры устремя,
Внимаетъ строгія сужденья
Съ довольной, свѣтлою душой;
И весь исполненъ онъ тобой.
Тогда послушный, упоенный,
Онъ припадетъ къ твоей груди,
И поцѣлуетъ утомленный,
Уста палящія твои!
Ахъ! сладки какъ сіи лобзанья,
И какъ волнуютъ они кровь,

И эти нѣжныя ласканья,
Наводятъ страстную любовь!
Стоишь и блѣдный, молчаливый,
Съ стыдливой томностью въ очахъ,
Съ смѣшной безсмыслицей въ рѣчахъ,
И сладострастный, прихотливый.....
Такъ гибнетъ и душистый цвѣтъ,
Палящимъ зноемъ изнуренный;
Но лучшій запахъ издаетъ,
Дождемъ весеннимъ окропленный!....

ПРИ ПОСЫЛКѢ МОЕГО ПОРТРЕТА.

Н. Н. Б.

Вотъ вамъ дарю я мой портретъ
Въ знакъ памяти и въ знакъ призчанья —
Предъ вами другъ, младой Поэтъ —
Его душа, его желанья.....
Его повѣсьте предъ собой
И строгой рамкой обведите;

И разговоръ вы съ нимъ ведите.
И онъ безжизненный, нѣмой,
Портретно будетъ улыбаться
И лишь портретно наслаждаться.
И отвративъ сердитый взглядъ,
Бѣгите дальше отъ портрета,
Его уста не говорятъ
Вамъ, другъ, желаннаго отвѣта!
Но въ вдохновенный жизни мигъ
Придите съ свѣтлыми очами,
И оживленный, юный ликъ
Заговоритъ тогда предъ вами.
Его прижмите вы къ груди
И слезы радости пролейте,
Тогда восторженные вы
Передъ Творцемъ благоговѣйте.
Но что-жъ въ залогъ я получу,
Отъ васъ, причастникъ вдохновеній,

И прежнихъ, пылкихъ наслажденій?
Но нѣтъ — за чѣмъ отъ васъ прошу?
Я получилъ письмо . . . .
. . . . Со мною
Вездѣ его буду носить
И до могилы, другъ, хранить! —
Порой въ досужныя мгновенья,
Его съ восторгомъ я прочту,
Тѣ вспомню дни, тѣ вдохновенья
И ту красавицу мою!

СТАНСЫ.

Я. Н. Т.

Люблю въ кругу друзей веселыхъ,
Безъ этикетовъ, безъ чиновъ,
Поклоновъ низкихъ и тяжелыхъ

И скромныхъ, бережливыхъ словъ
Убить лѣнивые досуги.
Поговорить о томъ, о семъ,
О прелестяхъ своей подруги,
О балѣ шумномъ и живомъ,
Или о скупости сосѣда,
Или о пышности обѣда,
Иль вспомнить *утро и вчера.*
Et caetera, et caetera......
Иль вдохновеннымъ языкомъ
Читать высокія мечтанья,
Души восторженной, святой,
И наводить очарованья
На всѣхъ таинственной красой!
Иль притаясь въ углу спѣсивомъ,
Внимать рѣчамъ своихъ друзей
И тѣшить пылъ души своей
Восторгомъ жгучимъ, молчаливымъ.

Иль вмѣстѣ съ дымомъ тобака
Глотать чужія вдохновенья,
И лобызать издалека,
Струи волшебнаго куренья!

ОЖИДАНІЕ.

(Романсъ.)

Много звѣздъ прекрасныхъ
  На небѣ горятъ;
Но въ мечтахъ ужасныхъ
  Очи не глядятъ!

Что-то потускнѣли;
  Въ нихъ тоска, печаль;
Щеки поблѣднѣли —
  Смотрятъ молча въ даль.
Ждутъ кого-то очи
  Грустно у окна,
И не спятъ всѣ ночи —
  Явится-ль *она*?
Время пролетаетъ,
  Гостьи нѣтъ, да нѣтъ,
Черный взоръ страдаетъ,
  Скученъ ему свѣтъ!
Вѣрно на томъ свѣтѣ
  Ждетъ его *она* —
И въ ея привѣтѣ,
  Звѣзды и луна!
Очи, поглядите
  На небо скорѣй,

Мыслью полетите
С радостію къ ней!
Очи ужъ закрылись,
Въ нихъ и смерть и мракъ,
Съ гробомъ обручились,
На священный бракъ!

КОРЕНЬ И ВѢТВИ.

(Басня.)

Прошла весна, вся оживилась
Природа съ шумною семьей,
Волна съ волною покатилась,
Дивяся вольности своей.
И ожилъ лѣсъ и птицы ужъ запѣли,

И по долинамъ, по лучамъ,
И по утесамъ, по горамъ.
Растенья юныя зазеленѣли.
И вотъ съ прилѣжною рукою
Крестьянинъ на поле идетъ,
И перкрестясь, съ молитвою святою
Въ сырую землю онъ зерно кладетъ
И ждетъ
Съ надеждою своихъ трудовъ —
Награда — пища — потовыхъ трудовъ!
И небо чисто и свѣтло
И не покрыто ужъ сѣдыми облаками,
И солнце теплыми лучами
Теплѣе землю обняло!
И всё молчитъ — — —
Въ богатомъ, роскошномъ нарядѣ,
Но жизнь и радость въ каждомъ взглядѣ,
Краснорѣчиво говоритъ.

Вотъ, погодя, прервавъ молчанье,
Подняли вѣтви голосъ свой:
Какое мы прекрасное созданье,
Мы снова ожили и снова мы опять
Цвѣтемъ роскошною красой.
Мы счастливы! о чемъ тужить, страдать,
Намъ не о чемъ вздыхать!
Какъ солнце радостно на насъ глядитъ,
Насъ согрѣваетъ и живитъ!
И легкій вѣтерокъ, насъ каждую лобзая,
Какъ сладко съ нами говоритъ.
О чудесахъ роднаго края.
И свѣтлая роса, умывъ земный ликъ,
Ланиты наши освѣжаетъ!
Когда-же птичка прилетаетъ
И запоетъ волшебною красой,
Какъ сей пріятенъ мигъ!
Или подъ тѣнію густой

Усталый путникъ отдыхаетъ,
И о минувшемъ сладостно мечтаетъ!
Вотъ, какъ пріятно жить здѣсь намъ!
А корень нашъ? онъ тамъ —
Въ землѣ — какъ въ гробѣ онъ лежитъ,
И какъ могила онъ молчитъ.
Не знаетъ онъ,
Что въ Божьемъ мірѣ происходитъ,
И на лазурный, чистый небосклонъ
Своихъ очей онъ не возводитъ!

Не благодарныя, сказалъ,
Здѣсь корень, слушавъ со вниманьемъ.
Я васъ взростилъ, васъ воспиталъ,
Украсилъ пышнымъ одѣяньемъ,
Я жизнь вамъ далъ,
И сокъ разлилъ по вашимъ жиламъ,
И крѣпость далъ я юнымъ силамъ,

О васъ заботился, за *васъ страдалъ*,
Вотъ благодарность вся отъ васъ.

Такъ и случается у насъ,
Что смертный человѣкъ гордится
Своимъ богатствомъ и умомъ
И въ своемъ счастьи веселится,
На всё глядитъ надмѣннымъ онъ челомъ,
И забываетъ подъ конецъ,
Что Всемогущій есть Творецъ!

КРЕСТЪ.

Н. П. Ю.....

Ты помнишь съ шеи, какъ съ своей,
Свой крестъ ты золотой скидала,
И какъ слеза твоихъ очей,
Въ густой рѣсницѣ пропадала.
Вотъ тебѣ крестъ — онъ дорогъ мнѣ,

Его далъ дѣдъ въ благословенье,
Носи его ты на себѣ,
Съ нимъ жди судьбы опредѣленье!
И я ношу его съ тѣхъ поръ:
Залогъ любви, залогъ преступный —
Очаровалъ мой свѣтлый взоръ,
Взоръ заключенный, недоступный.
Я помню, какъ въ своихъ цѣпяхъ,
Онъ мучился, иль веселился,
Иль выражалъ восторгъ, иль страхъ,
Иль сладострастно такъ томился.
Но изступленный онъ забылъ
Священный долгъ и обѣщанье;
Подъ чистымъ небомъ онъ открылъ
Въ восторгахъ — страстное желанье...

. . . .

. . . .

. . . .

Его любилъ, его люблю,
Его я жертву не забуду;
Ее какъ святость я цѣню,
И до могилы помнить буду!
И крестъ ея я золотой
Возьму съ собой на сонъ могильный,
На судъ, съ нимъ, страшный и святой,
Предстану грѣшный и безсильный!

МОГИЛА.

Н. П. М.

---

12 часовъ ночи — лѣтней, свѣтлой.

Какъ я люблю гулять ночной порой,
При чистомъ небѣ, мѣсяца сіяньи;
Вездѣ безмолвіе, вездѣ покой,
И вся природа будто бы въ мечтаньи!
Какъ я люблю ее тогда! Во мнѣ

Свободнѣй грудь стѣсненная вздыхаетъ,
И въ той лазурной, свѣтлой сторонѣ,
Мой духъ въ надеждахъ сладкихъ утопаетъ.
Тогда иду съ признательной душой
Я на кладбище. Здѣсь, подъ сей землею,
Лежитъ мой образъ въ ризѣ гробовой,
Написанный Всевышняго рукою.
Я помню тотъ прелестный, блѣдный ликъ,
И его очи свѣтло-голубыя,
Ихъ ярко лучь божественный проникъ.
И тѣ рѣсницы черныя, густыя,
Хранивъ его въ безмолвныхъ пелѣнахъ,
Гордясь, съ благоговѣньемъ сторожили.
И въ полныхъ мелодическихъ волнахъ,
Тѣ кудри черныя по персямъ плыли.
И тѣ уста, гдѣ пламенный языкъ

Въ рѣчахъ высокихъ разливался,
Тогда восторженный, невинный ликъ,
Такъ Ангельски, такъ свято улыбался.
Я помню, какъ я въ первый разъ узрѣлъ
Земли скупой прекрасное творенье;
Какъ на него мой взоръ въ мечтахъ —
глядѣлъ,
Познало сердце какъ свое біенье.
Съ тѣхъ поръ всю жизнь ему я посвя-
щилъ,
Съ тѣхъ поръ она одна въ моихъ меч-
таньяхъ,
Съ тѣхъ поръ его я пламенно любилъ,
Но не открылся я въ моихъ желаньяхъ.
Ихъ свято въ сердце я своемъ таилъ,
И можетъ быть, въ очахъ оно читало
Мою любовь — но взоръ таинственъ
былъ,

И его сердце мнѣ не отвѣчало!
Оно тѣсно вмѣщать два естества
Счастливъ блаженъ, кто избранъ былъ впервые,
Познать въ душѣ *земнаго* существа,
Восторги свѣтлые, и *не земные*!......
Я помню, какъ невѣстою со мной
Она вела, такъ скромно, разговоры,
И какъ женихъ ревнивый и смѣшной
Съ насъ не сводилъ завистливые взоры.
Я помню мою грусть, какъ въ первый разъ
Ее узрѣлъ супругой молодою,
Какъ кровь моя, волнуясь, полилась
Горячею и быстрою струею.
Я страшенъ былъ! — Такъ тихій и кристалъ
Во время бури, въ страхѣ и волненьи,

И гонитъ свой сердитый, пѣнный валъ
Въ своемъ разгнѣванномъ ожесточеньи!
И послѣ рѣже я ее видалъ.
И ясно въ грустное мое прощанье;
Въ ея тоскующихъ очахъ читалъ
Съ слезой, послѣднее мое свиданье!
Такъ и сбылось! Взяла ее земля
Въ свои объятья хладными руками,
И веселилась, тѣшилась она,
Зря такой перлъ межъ прочими гро-
бами!
Но не взяла она послѣднiй кладъ,
Чѣмъ такъ она при жизни дорожила,
И чувствуя усталыхъ дней закатъ,
Отцу его, въ малюткѣ поручила.
И его ликъ — ея прелестный ликъ,
И его взоръ — тѣ не земные взоры,
Его слеза, его печальный крикъ,

Какъ бы о ней слеза и разговоры.
Но ее нѣтъ! вотъ здѣсь она лежитъ
Въ землѣ и ждетъ, какъ брошенное сѣмя;
Какъ небеса, въ красѣ своей узритъ,
Его блаженнѣйшее жизни время!
Богатый памятникъ: свидѣтель онъ,
Минувшаго, прекраснаго, живаго,
Стоитъ въ печаль и думы погруженъ,
Какъ человѣкъ, средь бѣдствія большаго.
Сюда я прихожу воспоминать
Тебя, владычица моихъ желаній,
И праху твоему передавать
Всю тайну счастливыхъ моихъ мечтаній.
Тебѣ въ живыхъ ее не открывалъ,
Пусть оцѣнитъ теперь твоя могила,
Твой духъ въ ней жить еще не пере-
сталъ,
Въ немъ таже полнота и таже сила!

И кажется, онъ говоритъ со мной.
Ахъ! какъ пріятны, сладки его звуки,
Они звенятъ чудесною игрой
Во мнѣ, и я восторженныя руки
Сложивъ, на небо очи возношу,
И чистыя, святыя вдохновенья
Моей души, въ молитвѣ приношу
На жертвенникъ благаго Провидѣнья!

Великій Творецъ!
Блаженства вѣнецъ
Даруй тѣлесамъ
Рабыни твоей.
Ты внемли словамъ
Молитвы моей!
Пусть лучшіе дни,
Въ небесной сѣни
Вкушаетъ она,
Безсмертья полна.

И внемли ты мнѣ
Въ земной сторонѣ,
Взгляни на меня,
И счастливъ ужъ я!

ПАМЯТНИКЪ.

На дачѣ *Кн. П. В.......*

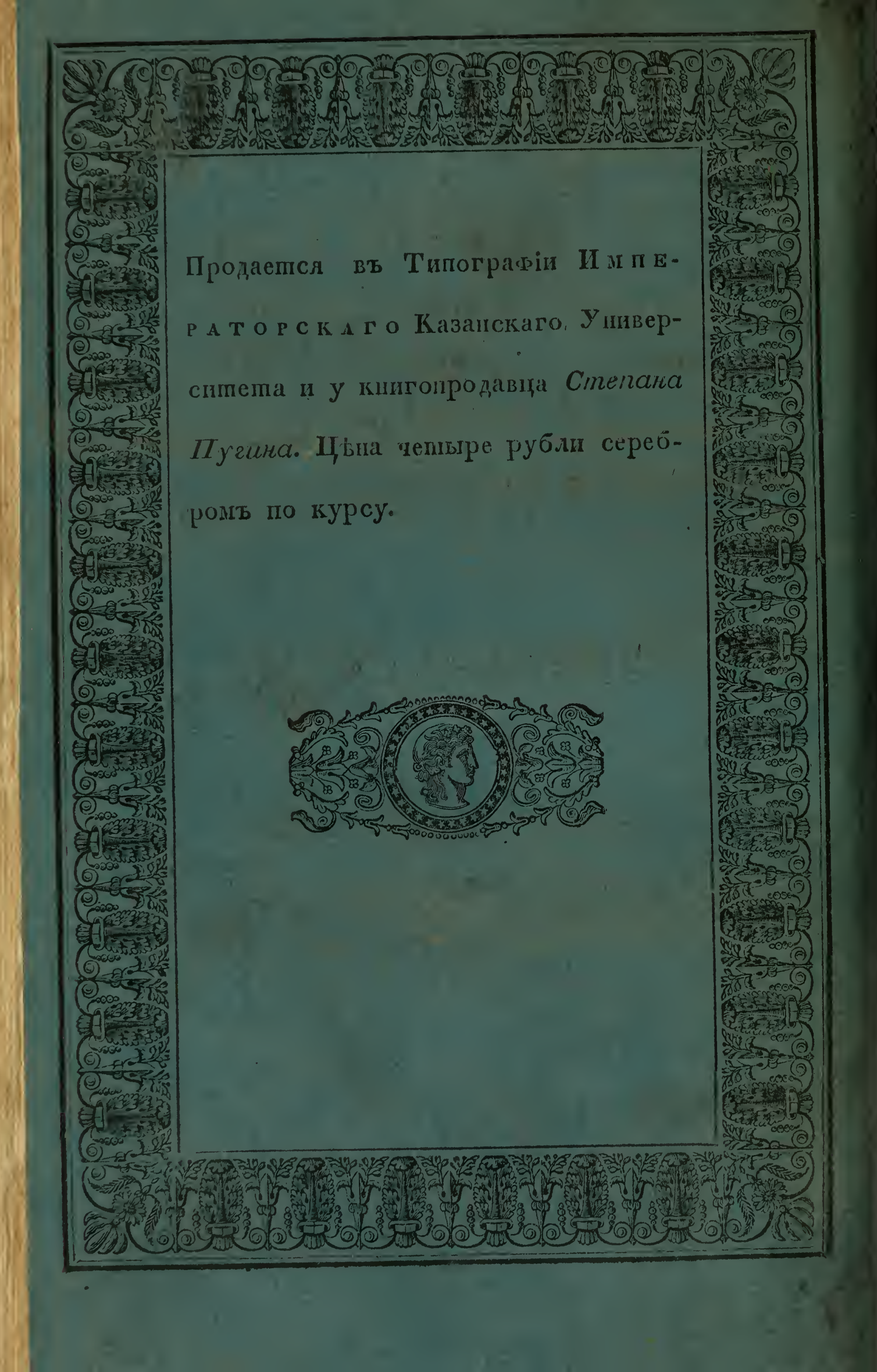
Чей это памятникъ стоитъ,
Семью соснами окруженный?
Чей прахъ, въ могилѣ, сокровенный
И надпись мнѣ не говоритъ!

На четырехъ его бокахъ:
Всегда о немъ я вспоминаю;
Написано; о сихъ словахъ
Напрасно только вопрошаю.
И кто *она* и кто сей *онъ*,
Никто изъ жителей не знаетъ:
Лишь памятникъ, на небосклонъ
Чело, гордяся, поднимаетъ!
При вѣтрѣ слышенъ сосенъ шумъ.
Онъ какъ-бы имя выражаетъ;
Но кто языкъ сокрытыхъ думъ,
Шумящей сосны отгадаетъ!
Лишь юноша разъ посѣтилъ
Знакомый памятникъ, съ слезою,
Тяжелый вздохъ онъ изпустилъ,
И скрылся съ грустною душою.
Кто онъ, не знаютъ до сихъ поръ;
И лишь хранятъ въ воображеньи:

Его печальный, черный взоръ,
И блѣдный ликъ — и сокрушенье!

Такъ видимъ мы живыхъ людей,
Сихъ памятниковъ Провидѣнья;
Но не прочтемъ изъ ихъ очей:
Начало высшее творенья!

Продается въ Типографіи Императорскаго Казанскаго Университета и у книгопродавца *Степана Пугина*. Цѣна четыре рубли серебромъ по курсу.

